

И.Н. Гребенкин

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ В «ЛЕДЯНОМ» ПОХОДЕ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Игорь Гребенкин

**Добровольческая армия
в «Ледяном» походе**

«ВЕЧЕ»

2022

Гребенкин И. Н.

Добровольческая армия в «Ледяном» походе / И. Н. Гребенкин —
«ВЕЧЕ», 2022 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4484-8757-6

Книга посвящена проблеме возникновения и развития гражданского конфликта в России в 1917—1918 годах. Автор исследует условия и обстоятельства формирования вооруженных сил антибольшевистского движения на Юге России, его социально-психологическую природу. Рассматривается особое значение периода становления Белого движения в истории Гражданской войны. В основу книги положены как хорошо известные, так и ранее не публиковавшиеся архивные документы и материалы. Предназначена для широкого круга читателей и всех интересующихся отечественной историей.

ISBN 978-5-4484-8757-6

© Гребенкин И. Н., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

От автора	7
Введение	9
I. От царской армии к армиям Гражданской войны	15
Глава 1. Генезис добровольчества	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Игорь Гребенкин

Добровольческая армия

в «Ледяном» походе

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор

Акульшин Петр Владимирович

(Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина)

Рецензенты:

доктор исторических наук, доцент,

начальник центра документальных публикаций

Репников Александр Витальевич

(Российский государственный архив социально-политической истории)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Гагкуев Руслан Григорьевич

(Институт российской истории РАН)

© Гребенкин И.Н., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

И.Н. Гребенкин

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ В «ЛЕДЯНОМ» ПОХОДЕ

• **ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА** •

Москва
«Вече»

От автора

Первая редакция этой книги увидела свет уже более пятнадцати лет назад, когда новая, постсоветская историография Великой российской революции и Гражданской войны только вступила в стадию формирования¹. Интерес к этой проблематике в научной среде диктовался, с одной стороны, объективно существовавшими лакунами в исследованиях предшествующего периода, а с другой – впечатлениями 1990-х годов, когда социальные проблемы и региональные конфликты на постсоветском пространстве, казалось, вновь чреваты большой гражданской войной.

Общество и специалисты-историки только недавно получили неограниченный доступ к эмигрантской историографии и источникам, представлявшим такой непривычный взгляд «с той стороны». Это определяло спрос на любого рода «белогвардейскую» тематику, а спрос в свою очередь рождал предложение. Таким образом, отечественная историография стала интенсивно пополняться работами, посвященными антибольшевистскому сопротивлению во всех его проявлениях. Новая ситуация в научном сообществе выглядела зеркальным отражением своего предыдущего этапа: под воздействием общественно-политической конъюнктуры менялся «заказ» на предметность исследований и авторские симпатии. Эти перемены расширяли пространство исторического поиска, но качественные изменения в исследовательской практике наступали не сразу. Вместе с тем еще в начале 1990-х гг. звучали мнения о необходимости новых, неконфронтационных подходов к истории Гражданской войны. Однако повышенный общественный интерес и обусловленное им эмоциональное отношение к проблеме не во всем способствовали быстрому их появлению.

В научной и научно-популярной литературе того времени преобладали трактовки и оценки, характерные для военно-исторического наследия эмиграции, некритично воспринятые современными отечественными авторами. Как-то само собой предполагалось, что пороки советской историографии будут изжиты, если диаметрально изменить отношение к предмету исследования и точку наблюдения. Попыткой преодолеть такое положение дел может считаться настоящая монография.

Героическая версия 1-го Кубанского похода Добровольческой армии десятилетиями культивировалась в эмигрантской литературе и занимала одно из самых почетных мест в эпосе Белой борьбы. По понятным причинам сюжет этот традиционно считался «белым», хотя к его известности приложили руку и советские писатели Алексей Толстой и Артем Веселый. Учитывая ту заметную роль, которую 1-й Кубанский поход сыграл в становлении Добровольческой армии и его влияние на формирование самосознания белого добровольчества, а в дальнейшем и значительной части эмиграции, заманчивым представлялось принять его в качестве предмета исследования, вернув из пантеона идеологизированных символов в контекст общественно-политической истории революционной эпохи.

События, разворачивавшиеся вокруг 1-го Кубанского похода, носили все черты регионального конфликта, дальнейшая эскалация которого привела к возникновению одного из фронтов полномасштабной Гражданской войны. В связи с этим проблема генезиса Добровольческой армии как самостоятельной военно-политической силы приобретает особое значение. Опыт 1-го Кубанского похода позволяет исследовать политическую природу Белого движения, характер и качество принятия решений его руководителями, особенности и результаты их взаимоотношений с местными властями и населением на начальном этапе гражданского конфликта. Новизна и вклад этой книги в научное освоение проблемы состоял в том, чтобы приблизиться к пониманию феномена революционной Гражданской войны с учетом

¹ Гребенкин И.Н. Добровольцы и Добровольческая армия: на Дону и в «Ледяном» походе. Рязань, 2005.

ее социально-психологических и историко-антропологических аспектов. Иными словами, особого внимания в ходе исследования заслуживал человек, вовлеченный в водоворот гражданского противостояния – как видный деятель, так и рядовой участник событий. Военно-исторический очерк действий Добровольческой армии не являлся центральной задачей, однако разбор боевых операций был необходим для воссоздания целостной картины военного противостояния.

Следует признать, что в течение последних десятилетий многим ученым и литераторам удалось добиться серьезных успехов в работе над проблематикой Гражданской войны. В научный оборот введено множество новых документов, в свет вышел ряд серьезных исследований, отмеченных оригинальными методологическими решениями. Мы надеемся, что шагом на пути к выработке новых, непредвзятых подходов к теме гражданского конфликта в нашей стране стала эта книга.

Введение

Изучение военных и политических событий зимы 1917 – весны 1918 года на Юге России началось активными участниками Гражданской войны сразу после ее окончания и было представлено двумя направлениями: в Советском Союзе и в эмиграции. Основанные на широком круге источников, данные исследования не потеряли своего значения и в наши дни. В то же время в основе многих выводов лежали личные воспоминания авторов, что делало их взгляды и оценки весьма субъективными. Наиболее яркими именами этого периода развития историографии Гражданской войны можно считать В.А. Антонова-Овсеенко² в Советской России, А.И. Деникина³ и П.Н. Милюкова⁴ в эмиграции.

Среди обширной эмигрантской литературы о периоде формирования Добровольческой армии и 1-го Кубанского похода работы исследовательского характера являются скорее редкостью и исключением. В качестве их общих черт следует выделить описательность и заведомо предвзятый подход, которые в полной мере относятся к знаменитым воспоминаниям – исследованию А.И. Деникина. Интересные выводы о личности Л.Г. Корнилова и его влиянии на политический аспект Белого движения на этапе его формирования принадлежат П.Н. Милюкову. Авторы наиболее известных исследований, лишенных мемуарного компонента, Н.Н. Головин и А.А. Зайцов⁵, рассматривают 1-й Кубанский поход главным образом с точки зрения его военных итогов, поэтому их выводы носят ограниченный характер. В то же время работу крупнейшего военного специалиста русского зарубежья генерала Н.Н. Головина отличает ряд неординарных оценок, не свободных, впрочем, от личных пристрастий автора.

Если обстоятельства возникновения очага военной контрреволюции на Юге России неоднократно привлекали внимание отечественных историков, то собственно 1-й Кубанский поход при этом находил, как правило, лишь попутное освещение.

Среди советских исследований по истории Гражданской войны, появившихся в 1920-е годы, следует выделить работы, принадлежавшие видному военному специалисту Н.Е. Какурину⁶, офицеру Генерального штаба императорской армии, вступившему в 1920 году в ряды Красной армии. Его книги «Как сражалась революция» и написанная в соавторстве с И.И. Вацетисом «Гражданская война» по сей день являются единственными, где действия Добровольческой армии в «Ледяном» походе рассматривались как самостоятельный эпизод. Не ограничиваясь анализом военного аспекта событий, Н.Е. Какурин сделал интересные выводы по социальным и политическим вопросам. Он впервые отметил, насколько несопоставимыми выглядели итоги похода в контексте развития гражданского конфликта на Северном Кавказе весной 1918 года, с одной стороны, и с позиции истории Гражданской войны в целом – с другой.

Начиная с 1930-х годов действия антибольшевистских сил и формирований практически выходят из сферы внимания советских историков. По этой причине вплоть до конца 1980-х годов в крупных работах по истории Гражданской войны 1-й Кубанский поход Добровольческой армии в лучшем случае заслуживал лишь упоминания⁷.

² Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 1. М.; Л., 1924.

³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1, 2. М., 1991.

⁴ Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 2. Антибольшевистское движение. Париж, 1927.

⁵ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 годах. Ч. 2. Развитие общероссийского противобольшевистского движения. Кн. 5. Рига, 1937; Зайцов А.А. 1918 год. Очерки истории русской Гражданской войны. Париж, 1934.

⁶ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. В 2 т. М., 1990; Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002.

⁷ История Гражданской войны в СССР. Т. 3. М., 1957; Алексашенко А.П. Крах деникинщины. М., 1966; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983.

Вопрос о предпосылках формирования Добровольческой армии в советской историографии изучался преимущественно в контексте политической борьбы кануна Октябрьского вооруженного восстания, и прежде всего событий августа 1917 года, именуемых «корниловским мятежом». Традиционная для отечественной историографии того периода трактовка его как попытки контрреволюционного военного переворота детально разрабатывалась в трудах многих авторов (Н.Я. Иванов, Г.З. Иоффе, М.И. Капустин, Е.И. Мартынов⁸). Данный, несколько однозначный, подход не помешал авторам ввести в оборот значительное количество источников и сделать интересные выводы. Примером могут служить работы Г.З. Иоффе, в которых была предпринята попытка учесть роль субъективно-личностного фактора в происходящих событиях, что было новым подходом при анализе событий 1917 года. С этой же точки зрения представляют интерес выводы и оценки, принадлежащие Е.И. Мартынову, знавшему Л.Г. Корнилова по совместной службе в Отдельном корпусе пограничной стражи и пребыванию в австрийском плену.

Эмигрантская трактовка корниловского выступления, суть которой сводится к тому, что все свои действия Л.Г. Корнилов предпринимал только по согласованию с А.Ф. Керенским, подробно представлена Г.М. Катковым⁹.

Отдельным блоком следует рассматривать изучение вопросов, связанных с развитием в 1917 году революционных событий в стране и армии, деятельностью ряда военных и государственных руководителей, обусловивших возникновение на Юге России центра антибольшевистской борьбы. Темой многих научных публикаций стала добровольческая кампания в Российской армии лета – осени 1917 года. Разными путями, несмотря на различия во взглядах и позициях, их авторы (А. Кибовский, А. Маслаков, Д.В. Ознобишин, Н.Г. Росс, А.С. Сенин, О.Н. Чаадаева¹⁰) приходят к выводу о том, что добровольческие формирования и деятельность военно-патриотических союзов и объединений стали одной из организационных предпосылок к возникновению вооруженных сил контрреволюции уже в конце 1917 года.

На рубеже 1950–1960-х годов в советской историографии утвердилась точка зрения, что Гражданская война началась с мая 1918 года. Военные действия предшествующих месяцев рассматривались как неминуемая составляющая «триумфального шествия советской власти». Военно-политические движения, противодействовавшие ему, трактовались как маргинальные явления, находящиеся на периферии происходивших в стране процессов. В появившихся в эти годы работах, посвященных борьбе революционного центра против калединского Дона, затрагивались вопросы формирования Добровольческой армии¹¹. Сам же 1-й Кубанский поход оставался, как правило, за пределами внимания историков и не являлся объектом исследования. Этим событиям в отечественной историографии советского периода непосредственно были посвящены только две статьи, принадлежащие И. Разгону и Н.А. Ефимову¹². Несмотря на то, что их разделяют почти четыре десятилетия, обе работы основаны на однотипных под-

⁸ *Иванов Н.Я.* Контрреволюция в России в 1917 г. и ее крах. М., 1977; *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; *Он же.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989; *Капустин М.И.* Заговор генералов. Из истории корниловщины и ее разгрома. М., 1968; *Мартынов Е.И.* Корнилов (попытка военного переворота). Л., 1927.

⁹ *Катков Г.М.* Дело Корнилова. М., 2002.

¹⁰ *Кибовский А.* Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз. 1998. № 2 (8). С. 34–40; *Маслаков А.* Предшественники Добровольческой армии // Белая гвардия. 1998. Вып. 2. С. 59–68; *Ознобишин Д.В.* О попытках Временного правительства России реорганизовать армию. Документы // Исторический архив. 1961. № 4. С. 88–112; *Росс Н.Г.* Попытка создания русской революционной армии (май – июнь 1917 г.) // Новый часовой. 1994. № 1. С. 75–87; *Он же.* Ударные части русской армии (весна – лето 1917 г.) // Новый часовой. 1994. № 2. С. 130–139; *Сенин А.С.* Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 176–182; *Чаадаева О.Н.* Добровольческое движение в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. № 9. С. 57–87.

¹¹ *Кириченко Ю.К.* Крах калединщины. М., 1976; *Он же.* Революция и донское казачество. Ростов н/Д, 1988; *Козлов А.И.* На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977; *Хмелевский К.А., Хмелевский С.К.* Буря над тихим Доном. Ростов н/Д, 1984.

¹² *Разгон И.* Разгром Корнилова на Кубани // Военно-исторический журнал. 1940. № 2. С. 27–39; *Ефимов Н.А.* Разгром Корнилова на Северном Кавказе // Исторические записки. Т. 98. М., 1977. С. 91–146.

ходах, которые сказались на глубине анализа и объективности выводов. В то же время несомненной заслугой Н.А. Ефимова является привлечение большого количества отечественных и эмигрантских источников, ранее не использовавшихся советскими историками.

Принципиальное значение для изучения рассматриваемой проблемы имеют исследования В.Д. Поликарпова. Он первым из отечественных историков обратился к исследованию вооруженной борьбы того периода, которую обозначил термином «предыстория Гражданской войны», и такого социально-политического феномена, как «военная контрреволюция»¹³. Ему удалось, таким образом, увидеть очевидную преемственность Белого движения антидемократической оппозиции офицерства и генералитета в 1917 году.

Свидетельством плодотворности этого подхода стало обращение к проблеме участия офицерского корпуса им-ператорской армии в Гражданской войне известного военного историка А.Г. Кавтарадзе. Исследуя роль «старых» военных специалистов в создании Красной армии, он впервые в отечественной историографии дал анализ сословного и имущественного положения офицеров – участников 1-го Кубанского похода¹⁴.

Перемены начала 1990-х годов обусловили заметные изменения в направленности исследований российских ученых, в результате чего на первый план в изучении истории Гражданской войны вышла проблематика антибольшевистских движений. Авторы работ по историографии Гражданской войны обоснованно указывали, что многочисленные публикации, так или иначе касающиеся этой темы, обращены преимущественно к ряду частных аспектов истории Белого движения¹⁵.

На протяжении 1990-х годов в научный оборот был введен значительный объем источников и фактического материала. Со временем появились ценные справочные издания, обобщающие данные об организационной структуре Белого движения и биографические сведения высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России¹⁶.

Вопросы, связанные с возникновением и становлением Добровольческой армии, нашли отражение в работах, посвященных Белому движению как военно-политическому явлению революционной эпохи¹⁷. Особого упоминания заслуживает монография В.П. Федюка, в которой автор обращает внимание на значение 1-го Кубанского похода в формировании самосознания белого добровольчества. Контрастным явлением на общем фоне выглядит работа С.В. Карпенко, где события первых дней Белого движения и участие в них Корнилова получили оригинальную авторскую трактовку, свободную от привычных стереотипов и ограниченности.

Среди исследований последнего периода заметное место принадлежит историческим биографиям военных и политических деятелей той эпохи. Тема зарождения Добровольческой армии и 1-го Кубанского похода нашла отражение в жизнеописаниях вождей и видных воен-

¹³ Поликарпов В.Д. Пролог Гражданской войны в России. М., 1976; *Он же*. Военная контрреволюция в России. М., 1990.

¹⁴ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.

¹⁵ Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: Идеология, основы, режимы власти: Историографические очерки. М., 1998; Сухенко А.Д. Историография истории добровольческого движения на юге России // Рубикон. Вып. 5. Ростов н/Д, 1999. С. 97–111; Посадский А.В. Гражданская война: новый взгляд // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013. С. 1124–1134.

¹⁶ Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура (материалы для справочника). М., 2000; Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 2002; Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М., 2009.

¹⁷ Венков А.В. Антибольшевистские движения на Юге России на начальном этапе Гражданской войны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1996; Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. М., 2006; Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. Н. Новгород, 1995; Федюк В.П. Белье. Антибольшевистское движение на Юге России. М., 1996; Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2003; Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008; Гакгуев Р.Г. Белое движение на Юге России: военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917–1920 гг. М., 2012; Пученков А.С. Антибольшевистское движение на юге и юго-западе России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.): идеология, политика, основы режима власти. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2014.

чальников белых армий¹⁸. Особый интерес в этом ряду представляет серия тематических сборников «Белые воины», в течение двадцати лет выходивших под редакцией Р.Г. Гагкуева, где биографические очерки об участниках Белого движения сопровождаются документальными материалами, многие из которых были опубликованы впервые¹⁹.

В современной исследовательской литературе значительное внимание уделялось анализу роли офицерского корпуса в становлении Белого движения и судьбе офицерства в годы революции и Гражданской войны²⁰. Большой фактический материал представлен в трудах С.В. Волкова, признанного специалиста в области истории российского офицерского корпуса. Вопросы социального состава Добровольческой армии в начальный период ее существования затрагивались В.Ж. Цветковым в книге, посвященной проблеме комплектования белых армий Юга России²¹. Оба исследователя считают себя наследниками традиций Белого движения, трактуя участие офицерства в Гражданской войне как пример патриотического служения. Иной концепции придерживается Р.М. Абинякин, исследующий социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства. Он доказывает, что в условиях Гражданской войны произошло быстрое вырождение этой группы в специфическое маргинальное сообщество²².

Три десятилетия развития постсоветской историографии о Гражданской войне во многом изменили исследовательскую ситуацию. Если в 1990–2000-х годах работы по истории Белого движения нередко носили отпечаток апологетики, сегодня наблюдается более широкий взгляд ученых на трудную проблематику, связанную с возникновением и развитием гражданского конфликта. Примером могут служить публикации И.С. Ратьковского, затрагивающие особенно спорные и болезненные моменты начального периода Гражданской войны²³.

Настоящая монография охватывает период от основания «Алексеевской организации» в октябре – ноябре 1917 года до завершения Добровольческой армией 1-го Кубанского похода в апреле – мае 1918 года. При этом следует отметить, что всестороннее исследование проблемы потребовало обращения как к более ранним событиям (развитие ситуации в русской армии в 1917 году, кампания по формированию добровольческих частей, корниловское выступление), так и к много более поздним (влияние 1-го Кубанского похода на самосознание белого добровольчества, сохранение его традиций в Белом движении и русской эмиграции).

Среди источников, использовавшихся в работе над монографией, особое место занимают многочисленные, ранее не публиковавшиеся документы, хранящиеся в фондах центральных архивов. Ситуация в 1917 году в русской армии, а также развернувшаяся кампания по формированию различного рода добровольческих частей находят отражение в материалах Российского государственного военно-исторического архива. Фонды нескольких добровольческих частей позволяют получить данные о ходе их формирования, личном составе, его настроениях, участии в октябрьских событиях 1917 года, а также дают возможность уточнить ряд обстоятельств присоединения некоторых подобных частей к Добровольческой армии.

Фонды Российского государственного военного архива хранят достаточное количество неизвестных документов штаба Добровольческой армии и некоторых ее частей периода 1-го

¹⁸ *Ипполитов Г.М.* Деникин. М., 2000; *Гребенкин И.Н.* Генерал Л.Г. Корнилов: штрихи к портрету // Отечественная история. 2005. № 4. С. 108–123; *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Лавр Корнилов. М., 2006; *Цветков В.Ж.* Михаил Васильевич Алексеев // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 23–47.

¹⁹ Марков и марковцы. М., 2001; Генерал Кутепов. М., 2009; Добровольцы. М., 2021.

²⁰ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.

²¹ Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. М., 2000.

²² Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение 1917–1920 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2000; *Он же.* Социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 413–437.

²³ Ратьковский И.С. Восстановление в России смертной казни на фронте летом 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 1 (15). С. 48–58; *Он же.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.) М., 2017.

Кубанского похода. Приказы по армии, приказания частям, донесения командиров, сводки отделов штаба, фрагменты дневника военных действий Корниловского полка, а также сведения о действиях советских войск против Добровольческой армии в период 1-го Кубанского похода, содержащиеся в ряде телеграмм, поступивших от революционного командования на Кубани в Народный комиссариат по военным делам, помогают восстановить событийный ряд похода и уточнить многие детали, не нашедшие отражения в мемуарных источниках.

Не меньшее значение для нашего исследования имели находящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации документы личного происхождения. Многие подробности 1-го Кубанского похода нашли отражение в переписке, которую А.И. Деникин вел с бывшими чинами штаба армии во время своей работы над «Очерками русской смуты». Своеобразный взгляд на сложности взаимоотношений в среде командования Добровольческой армии в начальный период ее существования содержится в некоторых письмах А.С. Лукомского. Большую ценность представляют многочисленные неопубликованные воспоминания участников 1-го Кубанского похода: Н.Н. Богданова, С.Н. Гернберга, Б. Ильвова, И.Ф. Патронова, С.Н. Ряснянского. Ряд фондов содержит богатые коллекции публикаций белогвардейской и эмигрантской прессы о 1-м Кубанском походе.

Среди использованных в работе опубликованных документов следует выделить не только некоторые акты центральной советской власти и военного командования, относящиеся к организации вооруженной борьбы с контрреволюцией²⁴, но и разнообразные документы, отражавшие развитие гражданского конфликта на Дону и Кубани: заявления и декларации местных контрреволюционных правительств и советских органов, директивы и сводки военного командования, материалы местной печати²⁵. Публикации документов интересующего нас периода в эмигрантских изданиях являются относительной редкостью, в их числе особого внимания заслуживают денежные документы генерала М.В. Алексеева и его письмо генерал-квартирмейстеру штаба Верховного главнокомандующего генералу М.К. Дитерихсу²⁶.

Своей широкой известностью события, связанные с зарождением Добровольческой армии и 1-м Кубанским походом, обязаны многочисленным мемуарам, выходявшим в эмиграции в течение длительного периода. В первую очередь следует отметить воспоминания вождей и видных начальников Добровольческой армии А.П. Богаевского, А.И. Деникина, А.С. Лукомского, А.П. Филимонова²⁷, которых можно считать основателями определенной традиции, господствовавшей в эмигрантской литературе о Гражданской войне. Вторую значительную группу мемуарных материалов составляют работы рядовых офицеров-добровольцев, участников 1-го Кубанского похода: Р.Б. Гуля, В.А. Ларионова, С.М. Пауля, С.Я. Эфрона²⁸. Их свидетельства отличаются множеством весьма ценных деталей и подробностей, они не перегружены пафосом и идеологическими конструкциями, свойственными генеральским мемуарам, хотя в целом также следуют упомянутой традиции. Отдельную своеобразную группу представляют солидные издания 1960–1970-х годов, посвященные истории наиболее известных частей Добровольческой армии и построенные на воспоминаниях их бывших чинов (В.Е. Павлов, М.Н.

²⁴ Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957; Директивы Главного командования Красной армии 1917–1920. М., 1969; Директивы командования фронтов Красной армии 1917–1921. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – март 1919 г. М., 1971.

²⁵ Борьба за власть Советов на Дону 1917–1920. Ростов н/Д, 1957; Борьба за советскую власть на Кубани 1917–1920. Краснодар, 1957.

²⁶ Архив русской революции / Изд. И.В. Гессена. Т. 5. Берлин, 1922. С. 345–357; Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. 1. Берлин, 1926. С. 77–82.

²⁷ Богаевский А.П. 1918 год // Белое дело. Ледяной поход. М., 1993; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 1991; Лукомский А.С. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 5; Филимонов А.П. Кубанцы // Белое дело. Ледяной поход. М., 1993.

²⁸ Гуть Р.Б. Ледяной поход // Белое дело. Ледяной поход. М., 1993; Ларионов В.А. Последние юнкера. М., 1997; Пауль С.М. С Корниловым // Белое дело. Ледяной поход. М., 1993; Эфрон С.Я. Записки добровольца. М., 1998.

Левитов)²⁹. Несмотря на стереотипную для эмигрантских воспоминаний предвзятость и одно-сторонность описаний и оценок, эти работы содержат богатый фактический материал. К четвертой группе относятся многочисленные публикации 1960–1970-х годов в военно-исторических журналах русского зарубежья («Часовой», «Военная быль», «Вестник первопоходника», «Первопоходник» и т. п.). Имевшие, как правило, вид небольших статей или заметок ветеранов-первопоходников, эти воспоминания могут считаться последней волной белых мемуаров в эмигрантской печати и, хотя многие из них носили «дежурный» характер, ценность их для восстановления детальной картины событий также велика.

Мемуары представителей противоположного лагеря, касающиеся исследуемого периода, могут считаться редкостью³⁰. Особое значение для нашего исследования имели воспоминания В.А. Антонова-Овсенко³¹, в которых весьма обстоятельное отражение нашел первый период борьбы революционной власти против Центральной рады и калединского Дона.

Своеобразным источником в работе по избранной проблеме стала центральная и местная пресса тех дней. Анализ ее публикаций позволил оценить степень информированности российской общественности и властей о событиях зимы – весны 1918 года на Северном Кавказе и том месте, которое Добровольческая армия занимала на фоне проблем, стоявших перед центральной советской властью.

Синтез итогов научного изучения проблемы, использование разнообразных источников, порой их новое, взыскательное прочтение стали основой для решения исследовательских задач и оригинальной интерпретации проблемы.

²⁹ Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918–1920 годов. Т. 1 / Сост. В.Е. Павлов. Париж, 1962; Материалы для истории Корниловского ударного полка. Отв. сост. М.Н. Левитов. Париж, 1974. (Материалы обоих сборников по частям и полностью публиковались в отечественных изданиях современного периода: Первый Кубанский («Ледяной») поход / Сост. С.В. Волков. М., 2001; Материалы для истории Корниловского ударного полка. Отв. сост. М.Н. Левитов. М., 2015.)

³⁰ Лиманский А. Заложники у белых. Ростов н/Д, 1927; Метелев А. Кубанское крестьянство в борьбе с корниловщиной // Пролетарская революция. 1926. № 4. С. 89–124.

³¹ Антонов-Овсенко В.А. Записки о Гражданской войне.

І. От царской армии к армиям Гражданской войны

Глава 1. Генезис добровольчества

Размышляя над тем, насколько быстро в 1917 году в России противостояние общественных сил и группировок перешло из плоскости политической в плоскость военную и что привело к образованию в короткий срок сразу нескольких внутренних фронтов, почему борьба практически с первых дней приобрела самые ожесточенные формы, нельзя не признать, что одной из важнейших причин и одновременно условием возникновения гражданского конфликта явилось участие страны в мировой войне. Ведение этой войны, ход которой к тому же трудно считать для России успешным, превратилось в непосильную ношу для монархической государственности, она же стала самым тяжким наследием, доставшимся Временному правительству.

Среди множества проблем, связанных с войной, одной из сложнейших для новой власти оказалось само по себе наличие громадной армии военного времени. Даже уточнение ее численности явилось в дальнейшем непростой задачей. По подсчетам одного из крупнейших военных специалистов русской эмиграции генерала Н.Н. Головина, с начала войны по декабрь 1916 года включительно в ряды армии было призвано 14,7 млн человек (а до 1 ноября 1917 года – еще 800 тыс. человек)³² при численности кадровой армии до объявления мобилизации в 1914 году – 1423 тыс. человек³³.

Огромные изменения претерпел в годы войны и офицерский корпус. Согласно подсчетам отечественных историков, на начало войны русская армия насчитывала свыше 40 тыс. офицеров, еще около 40 тыс. было призвано по мобилизации. После начала войны военные училища перешли на сокращенный курс обучения (3–4 месяца, специальные – полгода), и их выпускники как офицеры военного времени с декабря 1914 года производились не в подпоручики, а в прапорщики. Кроме того, было открыто более 40 школ прапорщиков с таким же сроком обучения. Наконец, свыше 30 тыс. человек были произведены непосредственно из вольноопределяющихся (лиц с правами на производство по гражданскому образованию) и унтер-офицеров и солдат за боевые отличия. В общей сложности за войну было произведено в офицеры около 220 тыс. человек, то есть за три с лишним года больше, чем за всю историю русской армии до мировой войны. Накануне Февральской революции численность офицерского корпуса составляла 276 тыс. человек, что включало 13 тыс. находившихся в плену и 21–27 тыс. не вернувшихся в строй по тяжести ранений. В действующей армии по состоянию на 1 января 1917 года насчитывалось 146 тыс. офицеров и 48 тыс. чиновников, то есть не менее 70 процентов всех состоявших в строю, причем число кадровых офицеров в этой массе было ничтожно малым, так как с начала войны офицерский корпус сменился на $\frac{7}{8}$ своего состава (в пехотных частях от 300 до 500 процентов, в кавалерии и артиллерии – от 15 до 40 процентов)³⁴.

С учетом понесенных потерь на начало 1917 года под ружьем находилось 9,45 млн человек, в том числе в действующей армии 6,9 млн³⁵. Следует сказать, что осуществление контроля

³² См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Жуковский, 2001. С. 186.

³³ Там же. С. 72.

³⁴ См.: Чернавин В.В. К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 85–86; Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 24–26; Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 10; Гребенкин И.Н. Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. С. 93–96.

³⁵ См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 186.

над армией так и осталось для Временного правительства задачей в полной мере не разрешенной.

Кризис, охвативший армию с началом революции, имел глубокие объективные предпосылки, вызванные логикой общественно-политического развития страны в предшествующие десятилетия. Первая мировая война застала Россию на сложном и противоречивом этапе, когда процессы модернизации, запущенные Великими реформами второй половины XIX века, продолжались, но были еще далеки от завершения. Свойственные российскому обществу начала XX века сословное деление и социальное неравенство своеобразно отражались на жизни и взаимоотношениях внутри такого особого социального организма, каким являлись вооруженные силы империи. Преимущественно крестьянское население страны обусловило преобладание крестьян либо связанных с ними групп среди рядового состава армии и флота, который более чем на 90 % комплектовался за счет крестьян (до 60 %), рабочих и ремесленников (более 30 %). Офицерский корпус всегда включал не менее 50 % представителей привилегированных сословий³⁶. Столь разительные различия, естественно, разобщали офицерский корпус с солдатской массой, противопоставляя их в плане психологическом, культурном, ценностном.

Февральская революция послужила тем рубежом, за которым распад российской армии принял необратимый характер. В разгар революционных событий вооруженные силы оказались непосредственно вовлечены в бурные социально-политические процессы. Собственно успех февральско-мартовского переворота оказался возможен благодаря активной роли важнейших военных институтов (Ставка Верховного главнокомандующего) и крупных воинских контингентов (гарнизона Петрограда). Развернувшееся вслед за этим в России в самых острых и непримиримых формах противоборство политических сил, среди центральных вопросов которого стоял вопрос продолжения войны, уже не могло обойти стороной армию.

В период с марта по октябрь 1917 года именно армия стала ареной жестоких, нередко кровавых столкновений. Известие об отречении Николая II и последовавшее за ним обнародование Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов как на фронте, так и в тылу вызвало самую бурную реакцию со стороны солдатской массы, выразившуюся в первую очередь в многочисленных фактах насилия над офицерами. Сводки сведений о настроении в действующей армии, составлявшиеся в Особом делопроизводстве Управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, пестрят сообщениями о подобных эксцессах. В телеграмме главнокомандующего войсками Северного фронта начальнику штаба Верховного главнокомандующего от 6 марта говорится: «Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят командный состав армии, нередко Георгиевских кавалеров, в без-выходное положение. Аресты эти произведены в Пскове, Двинске и других городах. Вместе с арестами продолжается, особенно на железнодорожных станциях, обезоружение офицеров, в т. ч. едущих на фронт»³⁷.

Было бы неверным преувеличивать роль и влияние радикальных политических партий на солдат, особенно в первые месяцы революции. Для малограмотной (по существу неграмотной) солдатской массы фронта и тыла офицер стал «приверженцем старого режима» (то есть контрреволюционером), основным заинтересованным в продолжении войны лицом. В свете этой нехитрой логики, господствовавшей в солдатской стихии, неподчинение командирам и нарушение воинской дисциплины становилось проявлением революционной доблести.

В течение всей весны и лета продолжались самочинные расправы над командным составом, причем их жертвой мог стать как командир части, так и любой случайно попавший под

³⁶ См.: Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, 1881–1903. М., 1973; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века: Очерки военного потенциала. М., 1986; Гаркавенко Д.А. Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981. С. 30–45.

³⁷ Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 г. М., 1968. С. 26–27.

руку офицер. В действующей армии и в запасных частях подобные факты исчислялись сотнями.

За развалом дисциплины не могло не последовать катастрофического падения боеспособности частей и соединений. Фронтовые донесения рисуют нам крайне неприглядную картину. «Дивизии 11-й и частью 7-й армии бежали под давлением в 5 раз слабейшего противника, отказываясь прикрывать свою артиллерию, сдаваясь в плен ротами и полками, оказывая полное неповиновение офицерам. Зарегистрированы случаи самосудов над офицерами и самоубийств офицеров, дошедших до полного отчаяния. Немногие пехотные и все кавалерийские части самоотверженно пытались спасти положение, не ожидая никакой помощи от обезумевших бегущих полков. Сообщены возмутительные факты, когда дивизия отступала перед двумя ротами, когда несколько шрапнелей заставляли полк очищать боевой участок. Были случаи, когда горсть оставшихся верными долгу защищала позицию, в то время как в ближайших резервных частях шли непрерывные митинги, решая вопрос о поддержке, а затем эти части уходили в тыл»³⁸. Безусловно, что разложение коснулось различных частей далеко не в одинаковой мере. Считалось, что войска Северного и Западного фронтов, находившихся ближе к столице и промышленным центрам страны, подверглись разложению гораздо сильнее, нежели войска Юго-Западного и Румынского фронтов; пехотные части на фронте и запасные в тылу были куда менее благополучны в сравнении с фронтовыми кавалерийскими и артиллерийскими частями. Но даже в конце 1917 года на фронте еще оставались боеспособные части, причиной чему могли быть офицеры, пользующиеся подлинным солдатским уважением, либо комитеты, которые при поддержке наиболее здоровой части солдат сумели сохранить в своих частях относительный порядок.

Подобное положение на фронте и в армии в целом самым неблагоприятным образом влияло на настроения офицерского корпуса. Офицерство, которое на третьем году войны было совершенно неоднородно как в социальном, так и в политическом отношении, в основном приветствовало Февральскую революцию или же оставалось к ней нейтральным. Однако происходящие события могли лишь оттолкнуть большинство офицеров и привести в лагерь ее противников, чему немало способствовала противоречивая позиция, а скорее всего, отсутствие четкой позиции Временного правительства, которое, с одной стороны, стремилось использовать офицеров для агитации в пользу верности союзникам, а с другой – указывало на военные круги как главного виновника затягивания войны. Чувства фронтового офицерства наиболее точно отражает дневниковая запись подпоручика А.И. Лютера: «Сидишь, как пень, и думаешь о грубости и варварстве. Не будь его, ей-богу, я бы был большевиком... Будь все сделано по-людски, я бы отдал им землю и дворянство, и образование, и чины, и ордена... Так нет же: бей его, помещика, дворянина, бей интеллигента, буржуя, пей его последние соки. И конечно, я оскорблен, унижен, истерзан, измучен»³⁹. К этому можно добавить, что подавляющее большинство офицеров в 1917 году не были «буржуями», не имели ни земли, ни дворянства, отчего, надо полагать, их растерянность и обида становились только больше.

В сложившейся ситуации наиболее энергичная часть генералитета, офицерства и военной общественности страны реагировала на происходящее в духе революционной обстановки, пробудившей активность самых различных социальных кругов. В короткий срок по всей стране возникает целый ряд общественных организаций, имевших целью поддержание в армии и обществе воинского духа и традиций: Военная лига, Военный союз «Личного примера», Союз георгиевских кавалеров, Союз увечных воинов, «Единение, честь родины и порядок», «Армия чести», «Союз воинского долга», «Добровольцы народной обороны» и многие другие.

³⁸ Революционное движение в русской армии. С. 213.

³⁹ Лютер А. Дневник офицера // Памятники Отечества (Москва). 1992. № 25. С. 156.

В мае в Ставке был образован Главный комитет Всероссийского союза офицеров армии и флота, провозгласивший своей целью защиту профессиональных интересов офицерства. В уставе организации среди главных задач ее деятельности определялась борьба с пропагандой и противодействие выступлениям «отдельных лиц и групп, имеющих целью расстроить основу армии и флота»⁴⁰. Союзу, председателем которого являлся столь авторитетный военный руководитель, как генерал от инфантерии М.В. Алексеев, удалось добиться преимущественного влияния в офицерской среде и военных учебных заведениях. Не ограничиваясь борьбой с большевистским влиянием в войсках, Союз офицеров предпринимал масштабные мероприятия по координации своей деятельности с другими военными организациями и армейским командованием. При этом Главный комитет Союза в своей работе использовал все возможности, которые открывало ему присутствие при Ставке, обращаясь при необходимости непосредственно к командующим соединениями и начальникам штабов.

Однако многие организации и кружки, возникавшие тогда в военной среде, носили конспиративный характер и создавались явно с целью их использования при установлении военной диктатуры. Одна из первых подобных организаций была основана на Юго-Западном фронте генералом А.М. Крымовым. Другой пример такой работы относится к весне 1917 года, когда в Петрограде генерал-майором бароном П.Н. Врангелем и графом А.П. Паленом была создана тайная военная организация со своим штабом, разведкой, хорошо поставленной связью, опиравшаяся на молодых офицеров армейских и гвардейских частей столичного гарнизона. Врангелю и Палену удалось распространить свое влияние на целый ряд воинских частей и военных училищ и организовать несколько офицерских дружин⁴¹. Наиболее интересным является то обстоятельство, что деятельность Врангеля по созданию организации приходится на апрель, когда такие перспективы, как быстрый рост влияния большевиков и захват ими политической инициативы, в том числе в борьбе за армию, еще далеко не определились. Врангель дает понять, что не собирался возглавлять организацию сам, а готовил ее для известного военного лидера (по всей вероятности, Л.Г. Корнилова, командовавшего в тот период войсками Петроградского военного округа). Создается также впечатление, что, уезжая в июне на фронт, Врангель не знает, кому передать организацию, во всяком случае более о ней он не упоминает.

В поисках способов оздоровления армии командование и сторонники дисциплины и порядка обратились к идее добровольческих формирований. В годы войны фронтовая действительность нередко диктовала необходимость создания различного рода «нестандартных» подразделений: охотничьих команд, партизанских отрядов и т. п. (интересно заметить, что известные белые военачальники Б.В. Анненков, В.М. Чернецов и А.Г. Шкуро приобрели известность как партизанские командиры еще на германском фронте). Поэтому характерной для весны – лета 1917 года мерой по поддержанию боеспособности войск на фронте стало возникновение особых частей смерти, ударных и штурмовых частей из добровольцев фронта и тыла.

В мае приказом командующего 8-й армией Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова капитану М.О. Неженцеву было разрешено сформировать 1-й ударный отряд штаба 8-й армии из добровольцев-фронтовиков – государственно и патриотически настроенных офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Так началась история одной из известнейших в дальнейшем частей белой Добровольческой армии. Отряд, переименованный вскоре в Корниловский ударный (с 1 августа Корниловский ударный полк трехбатальонного состава), показал себя одинаково стойкой и надежной воинской частью и в боях июньского наступления, и в акциях по «приведению в чувство» некоторых фронтовых частей. В результате августовского корниловского выступления полк оказался под угрозой расформирования. Командованию удалось сохранить его, включив в состав Чехословацкого корпуса и переименовав в Славянский

⁴⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 14. Д. 1. Л. 1.

⁴¹ См.: *Врангель П.Н.* Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) // Белое дело. Кавказская армия. М., 1995. С. 36–39.

ударный полк. К октябрю на всех фронтах было сформировано до 40 ударных батальонов из добровольцев-фронтовиков. Многие из них приняли участие в боях и могли считаться серьезной опорой командования. Однако своей основной функции – оздоровления армии личным примером – они так и не выполнили. Осенью неоднократно имели место случаи, когда командование использовало ударников для наведения порядка и в тыловых гарнизонах⁴². Результат можно считать закономерным: солдатская масса возненавидела их, примерно по тем же причинам, по которым ранее возненавидела казаков. Дело иногда доходило до кровавых эксцессов и столкновений⁴³. С другой стороны, в период Октябрьского переворота ударники сами уже не отличались единством в желании защищать Временное правительство. Так, личный состав Дивизиона смерти Кавказской кавалерийской дивизии в подавляющем большинстве отказался выполнить приказ и выступить на подавление большевистского выступления в Минске. Впоследствии дивизион стал ареной бурных столкновений между сторонниками Совета и Комитета спасения революции⁴⁴.

Другой инициативой, возникшей опять же на Юго-Западном фронте в мае 1917 года, стал проект формирования ударных частей из добровольцев, набранных в тылу, автором которого можно считать капитана М.А. Муравьева. 23 мая Верховный главнокомандующий А.А. Брусилов своим приказом утвердил «План формирования революционных батальонов из волонтеров тыла»⁴⁵ первоначально для Юго-Западного фронта. На состоявшемся 3 июня в Петрограде совместном заседании столичных организаций Военного союза «Личного примера», Союза георгиевских кавалеров и Совета Союза казачьих войск был образован Всероссийский центральный комитет по организации Добровольческой революционной армии (ВЦК ОДРА) под председательством капитана Муравьева⁴⁶. 13 июня Верховный главнокомандующий утвердил новый «План формирования революционных батальонов из волонтеров тыла», который определял источники комплектования и порядок вербовки волонтеров, а также устанавливал структуру органов, ведающих формированием. Согласно «Плану...» предполагалось создание комитетов по формированию ударных революционных батальонов при штабах всех фронтов и армий. При Ставке утверждался Центральный исполнительный комитет по формированию революционных батальонов⁴⁷, который возглавил подполковник Генерального штаба В.К. Манакин. Однако функции двух центральных органов не были должным образом разграничены, и это не добавляло четкости в их взаимодействие.

Вербовка волонтеров проводилась из «революционной молодежи среди учащихся, рабочих, интеллигенции и вообще всех граждан России, необязанных военной службой или еще не призванных в ряды армии, возрастом не моложе 17 лет, за исключением лишенных прав по суду»⁴⁸, а также из запасных полков Петрограда, Москвы и прочих тыловых частей, из юнкеров военных училищ и школ прапорщиков. Офицерский состав пополнялся за счет добровольцев, находившихся в тылу и резерве.

Всего с июня по ноябрь велось формирование около 40 ударных революционных батальонов, на фронт же попали и реально участвовали в боях менее одной трети. Наиболее организованными показали себя отряды, сформированные из юнкеров. На Румынском фронте активно

⁴² См.: РГВИА. Ф. 14993. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об., 16.

⁴³ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1780. Оп. 1. Д. 38. Л. 326.

⁴⁴ См.: РГВИА. Ф. 14993. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 17 об.

⁴⁵ См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 289.

⁴⁶ См.: Кибовский А. Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз. 1998. 2 (8). С. 35.

⁴⁷ Ознобишин Д.В. О попытках Временного правительства России реорганизовать армию: Документы // Исторический архив. 1961. № 4. С. 91.

⁴⁸ Ознобишин Д.В. О попытках Временного правительства России реорганизовать армию: Документы // Исторический архив. 1961. № 4. С. 90.

участвовала в боях, неся потери, ударная команда юнкеров Одесского военного училища и 1-й и 2-й Одесских школ прапорщиков⁴⁹. В то же время командование, полагая эти части вполне надежными, применяло их и для выполнения заградительных функций. Так, юнкерский ударный батальон под командованием капитана К.С. Попова восстановил порядок на Проскуровском железнодорожном узле после немецкого прорыва под Тернополем, остановив бегущие войска на шоссе Гусятин – Проскуров⁵⁰.

В целом обстановка, царившая летом 1917 года на фронте и в тылу, не могла не наложить своего отпечатка на добровольческую кампанию, которая приобрела серьезные масштабы (к началу августа было набрано около 40 тыс. волонтеров). Сама идея формирования добровольческих частей как опоры командования и образца для войск армии, как отрицания развала дисциплины и воинского порядка, дискредитировалась неразберихой и импровизацией в работе руководящих органов. Недостатки эти сказывались в первую очередь в отсутствии серьезного отбора добровольцев. В резолюции армейского комитета тыла Северного фронта от 23 июля 1917 года указывалось, что в ударные батальоны направлялись солдаты расформированных частей, дезертиры, солдаты маршевых рот и частей, предназначенных к отправке на позиции, а также подростки, бежавшие из дома⁵¹. Не оправдались и надежды на то, что волонтеры, будучи на фронте, сохранят политическую благонадежность. Например, в октябре 1-й батальон «Свобода, Равенство и Братство» Юго-Западного фронта имел в своем составе 42 большевика – одну из самых мощных ячеек РСДРП(б) в 6-м армейском корпусе⁵².

Весьма бурную деятельность по созданию добровольческих формирований развивала такая общественная организация, как Военная лига. Благодаря тесным контактам с Главным комитетом Союза офицеров, ей удалось получить разрешение формировать свои отряды во фронтовой полосе. На заседании Главного совета лиги 29 июня было решено начать формирование на Северном фронте, как наиболее близком к столице. Тем же постановлением образовывался новый орган – Комитет по организации добровольческих рот, который возглавил член Совета капитан Л.Л. Малеванов и в который вошли представители от организаций «Единение, честь родины и порядок», «Армия чести», «Союз воинского долга», «Добровольцы народной обороны», «Организации кн. Мещерского» и ряда других. Добровольческие роты планировалось формировать и на Юго-Западном и Румынском фронтах, но уже в порядке второй очереди⁵³. Нам не удалось обнаружить данных о добровольческих подразделениях, сформированных Лигой, однако существуют свидетельства о том, что некоторые части настойчиво просили присвоить им наименование ударных частей или «частей смерти», непосредственно обращаясь в Военную лигу⁵⁴.

Реализацией самостоятельного добровольческого проекта занимался Союз георгиевских кавалеров. Суть его состояла в формировании войсковых соединений, напоминавших ударные батальоны, но с существенной особенностью – вступить в них могли только георгиевские кавалеры, имеющие любую георгиевскую награду. Первая Георгиевская часть возникла задолго до февральских событий. 8 июля 1916 года сформированный несколькими месяцами раньше батальон для охраны Ставки Верховного главнокомандующего был переименован в Георгиевский батальон для охраны Ставки. Отныне комплектование его должно было вестись за счет нижних чинов и офицеров – георгиевских кавалеров⁵⁵.

⁴⁹ См.: Кибовский А. Революцией призванные. С. 36.

⁵⁰ См.: Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. М., 2007. С. 171.

⁵¹ См.: Чаадаева О. Добровольческое движение в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. № 9. С. 69.

⁵² См.: Кибовский А. Революцией призванные. С. 39.

⁵³ См.: ГАРФ. Ф.1780. Оп. 1. Д. 4. Л. 26–28.

⁵⁴ См.: Капустин М.И. Заговор генералов. М., 1960. С. 148.

⁵⁵ См.: Шахов А. Георгиевские части Российской Армии. 1916–1917 // Цейхгауз. 1995. № 1. С. 28.

В июне 1917 года Союз георгиевских кавалеров приступил по собственной инициативе к формированию Георгиевских подразделений, образовав так называемые исполнительные комитеты в Анкермане, Гомеле, Екатеринославе, Костроме, Киеве, Петрограде, Николаеве, Симферополе, Ржеве, Рязани и других городах⁵⁶. По некоторым данным, георгиевцы достаточно хорошо проявили себя в боях летом 1917 года, однако и здесь в полной мере проявились быстрое разложение солдат и политическая апатия основной массы офицеров.

К августу Союз решил расширить рамки формирования своих подразделений. В резолюции конференции делегатов отделов Союза от 1 августа 1917 года говорилось о необходимости «ходатайствовать о выделении Георгиевских кавалеров в отдельные команды в крупных центральных [городах] глубокого тыла и по мере надобности пополнять ими запасные бригады Георгиевских кавалеров в четырех военных округах, находящихся на театре военных действий»⁵⁷. 12 августа Верховный главнокомандующий Л.Г. Корнилов подписал приказ № 800 о формировании четырех Георгиевских запасных полков в Пскове, Минске, Киеве и Одессе, то есть по одному на каждый фронт. Полки эти сводились в Георгиевскую запасную бригаду, командир которой непосредственно подчинялся Верховному главнокомандующему, и должны были использоваться только в самых крайних случаях. При вступлении в подобные части все георгиевские кавалеры были обязаны дать специальную подписку, обязуясь служить «не за страх, а за совесть», беспрекословно выполнять приказы начальников и, главное, «везде и всегда поддерживать Временное правительство впредь до установления Учредительным собранием нового образа правления»⁵⁸.

Планы создания Георгиевской бригады реализовать так и не удалось. В реальности существовал лишь 1-й полк в Киеве, формированием которого энергично занимался 29-летний георгиевский кавалер полковник И.К. Кириенко, однако до октября 1917 года оно так и не было завершено.

⁵⁶ См.: ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 79. Л. 95, 100.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 77. Л. 95.

⁵⁸ Там же. Л. 13–14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.